

Несказанные слова

Джун Мотидзуки

Всевозможные дела на благо монастыря Джуну никогда сильно не напрягали. Он охотно брался за работу о которой его просили, если на это время у него не было никаких глобальных планов, а порой и сам вызывался выполнить какое-нибудь поручение вроде того же похода на рынок за покупками. Вот и сегодня Джун согласился закупить всякой мелочевки, поскольку все равно собирался в ближайшие несколько дней навестить старика Жонга, а так у него получалось совместить полезное с полезным, поскольку приятным общением с ворчливым стариком выходило не всегда.

По дороге Джун напоролся на Маркуса, который маялся без дела и предложил присоединиться в этом небольшом походе. После их посиделок в охотничьем домике он даже как-то проникся к парню, который казался вполне себе неплохим человеком со своими личностными проблемами. Но, как известно, те или иные проблемы водились у всех, но это еще не являлось поводом клеймить кого-то позором или, наоборот, необоснованно возиться с кем-то сверх меры, поэтому Джун решил общаться с Маркусом примерно так же, как и с любым своим приятелем, оставшимся в Японии.

В итоге, родственник Яреци согласился составить ему компанию, так что дорога до деревни прошла в ни к чему особенно не обязывающей беседе, оставляющей, впрочем, после себя приятное послевкусие. В монастыре было не так много парней его возраста, с которыми вот так можно было поговорить, поэтому Джун, заходя на рынок и вытаскивая список необходимых покупок, сделал мысленную заметку использовать и будущие возможности пообщаться с Маркусом, который мог немало интересного рассказать о странах Европы, в которых сам Джун никогда не был.

Маркус Агирре

Последнее время Маркус чаще стал выбираться из монастыря в деревню, чтобы созвониться с отцом и расспросить его о здоровье. Больше никаких тем для общения не было, и это, наверное, было плохо. Хотя, если посмотреть с других углов, эти разговоры были существенными плюсами. По крайней мере, Маркус стал разговаривать с отцом. А это существенный плюс. И маленькая личная победа над гордостью, эгоизмом, обидой. Да, наверное над обидой.

В этот день Маркус снова спустился в деревню, чтобы позвонить отцу. Но тот трубку не взял, что породило у молодого человека нехорошие подозрения. Потому что телефон не был выключен. Обычно если отец был на переговорах он просто отключал телефон, а сейчас телефон звонил, просто трубку никто не брал. Это могло означать, что отец не взял мобильный телефон. Могло бы означать, если бы не одно "но": Рикардо Агирре никогда не забывал телефон. Потому что телефон - это его жизнь.

А потом он вернулся в монастырь, где встретил Джуну. И тот предложил ему прогуляться до деревни. Молодой человек, поздоровавшись с ним, решил ему

помочь на рынке. Во-первых, ему нечем было заняться, а во-вторых, это помогло ему не думать о причинах, почему отец не подошел к телефону. И позвонить ему еще раз.

- Ты любишь путешествовать? Был где-нибудь кроме Китая и Японии?

Джун Мотидзуки

- Чтобы понять, любишь ли ты путешествовать, надо хоть сколько-нибудь путешествовать, - невесело усмехнулся Джун на заданный ему вопрос. - Я практически всю жизнь провел в Японии, да и в Китае изначально оказался не для того, чтобы наслаждаться местными красотами. - Пусть официально его первая поездка в Пекин имела своей целью сопровождать беременную Яреци, на самом деле он хотел оказаться подальше от семьи, которой не был готов рассказать о мучивших его голосах и связанных с ними подозрениях.

Выданный ему в монастыре список, который Джун изучал, разговаривая с Маркусом, оказался не слишком длинным, но предполагал тот момент, что его любимый, ныне пустой, рюкзак, после выполнения всех поручений будет набит под завязку. А поскольку таскаться с ним лишние полчаса-час не имело ни малейшего смысла, молодой Мотидзуки решил немного поменять свои первоначальные планы, о чем и сообщил добровольному помощнику.

- Слушай, ты не будешь против, если мы сначала ненадолго заглянем к нашему старику? Дядя просил за ним приглядывать, да и моих визитов он ждет, хоть и пытается сделать вид, что это не так.

Джун чувствовал, что один из старейших жителей деревни был сильно привязан к Мотидзуки Тору, с которым несколько лет прожил под одной крышей, да и успел проникнуться его собственной персоной, пусть постоянно и бормотал что-то на тему бестолковых японцев и временами выгонял его по причине плохого настроения. Поэтому, изначально начав навещать старика по просьбе дяди, сейчас делал это с искренним желанием как-то скрасить серые будни человека, воспитавшего нескольких детей и внуков и все равно оставшегося доживать свой век в одиночестве.

Маркус Агирре

- Я тоже мало где был. Вообще, у меня никогда не было мысли отправиться сюда, но после ссоры с отцом мне просто некуда было пойти. А потом еще и эти глаза с рычанием... - Маркус невольно передернул плечами. Он иногда думал, как бы сложилась его жизнь, если бы не зверь. Наверное, сейчас было бы все печально. Отец в принципе очень тяжёлый человек, и Маркус знал, что тот его не простил полностью за все, что произошло.

- Я был только в России, да по некоторым странам Европы катался. Но это было давно, когда у меня были друзья и деньги.

Джун предложил перед работой на благо монастыря зайти к старику, у которого был очень скверный характер. Маркус не был против. Они уже подходили к деревне, и Маркус достал телефон. Связь появилась, и он набрал номер. И снова раздалось

длинные гудки. Трубку по-прежнему никто не брал. Маркус вздрогнул от мысли, что с отцом могло что-то случиться, хотя в этом случае с ним могла связаться секретарша отца. Но было молчание. И это его пугало. Он вздохнул.

- Но я любил просто гулять по улицам, рассматривать архитектуру, - закончил он, вздохнув. - Почему же он не берет трубку? - задумчиво пробормотал он.

Джун Мотидзуки

По сравнению с ним самим Маркус успел неплохо попутешествовать, правда не слишком веселые нотки в его голосе в очередной раз напоминали о его не самой благополучной ситуации. Особенно зацепило Джуну совместное упоминание денег и друзей, исчезнувших из жизни его спутника, как он понял, в одно время. До отъезда из Японии он на себе прочувствовал нечто подобное, поскольку его популярность, при всех имеющихся достоинствах, процентов на сорок была связана с семьей, подарившей ему фамилию.

Комментировать слова Маркуса, сетующего на невозможность до кого-то дозвониться, Джун не стал, хоть и догадывался, что речь идет о человеке, которого он видел на свадьбе дяди и Яреци. Он мало знал о взаимоотношениях парня с отцом, поэтому не хотел влезать с советами или сочувствием, которые могли прийти совершенно не к месту. Тем более, для начала следовало морально подготовиться к встрече со стариком Жонгом, который мог показать себя не самым гостеприимным хозяином.

Поскольку дом старика находился недалеко от рынка, дорога до него заняла не больше пяти минут, и уже на подходах Джун понял, что они оказались сегодня не первыми, желающими навестить хозяина дома, поскольку даже через дверь был прекрасно слышен громкой женский голос, прерываемый всхлипами. Посчитав, что они пришли не вовремя, он хотел уже было предложить Маркусу вернуться на рынок, как дверь открылась, словно зазывая их войти, хотя из дома так никто и не вышел. Похоже, старик заметил их приближение и по какой-то одному ему понятной причине решил, что их визит сейчас будет уместен, несмотря на уже имеющуюся гостью, так что Джун просто не смог не отреагировать и последовал странному приглашению, первым перешагнув через порог.

Маркус Агирре

Джун молчал, и Маркус замолчал тоже. Он не очень любил говорить, да и о чём говорить, раз никто не особо желает общаться? Да и собеседник сейчас из Маркуса был неважный, потому что все мысли его крутились вокруг отца, который почему-то не брал трубку. Позвонив сегодня третий раз, Маркус глубоко вздохнул и постарался унять нервную дрожь, которая стала его пробивать. Потому что пришло осознание, что со стариком могло что-то случиться. А вдруг ему снова стало плохо или его снова избили или ограбили? Или вдруг он попал в аварию, или ещё что-то? Почему-то началась ничем необоснованная паника, и он сильно сжал челюсти, чтобы хоть как-то успокоиться. Вместе с тем пришло понимание, что всё это странно - странна его реакция, ведь раньше ему было абсолютно пофиг на отца и его здоровье. Значит, в животном, с которым ты должен всю оставшуюся жизнь делить своё сознание, есть что-то хорошее? Вот у Маркуса это "что-то хорошее" заключалось в том, что его отношения с отцом стали походить на отношения отца и сына, которые

редко видят друг друга и скучают.

Пока он об этом думал, ноги привели их к дому старика Жонга, и Маркус услышал всхлипывания женщины. Дверь открылась, а может она и была открыта, и Маркус, посмотрев на Джуна, кивнул ему и следом осторожно поднялся по ступенькам крыльца и вошёл в дом. На маленькой кухне, где они однажды слушали рассказы старика про заброшенный дом, находились хозяин и какая-то женщина, не очень молодая, но моложе старика. Маркус кашлянул, привлекая к ним внимание, и поклонился.

- Добрый день, сеньор Жонг, - сказал Маркус, - добрый день, сеньора, - поклонился он женщине. - У вас что-то случилось?

Да, бестактно, но всё же.

Джун Мотидзуки

Пусть Маркус и зашел в дом после него самого, говорить парень начал первым, сразу давая старику повод поглумиться, который тот, естественно, не стал упускать, тут же отвесив парочку колких комментариев.

- Бестолковые мальчишки пожаловали. Как ты там, беленький, меня назвал? Некрасиво обзывать пожилых людей.

Джун был более чем уверен, что старик прекрасно понял слова его спутника, но специально решил сделать на них акцент, чтобы Маркус лишний раз не тянул в их разговор всякую иностранщину.

- Добрый день, - он поклонился сначала хозяину дома, а затем его гостье, в которой узнал соседку старика, уже как-то виденную им во время одного из предыдущих визитов. - Мотидзуки Джун и... Агирре Маркус, - он не сразу вспомнил фамилию, которую слышал один или два раза, да и то не от самого Маркуса.

- Какое рычащее у твоего приятеля имя, - покачал головой хозяин дома. - Я лучше буду его звать "бестолковый мальчишка номер два". А это - он указал на женщину, словно на кухне был кто-то еще, - Гао Дандан. И убивается она по своему дураку сыну, которого сама же и выгнала из дома лет восемь назад, и который не нашел ничего лучше, чем закончить свою глупую жизнь, попав под машину.

Женщина отреагировала на жестокие слова новой серией рыданий, а сам старик Жонг невесело вздохнул, как показалось Джуну, вспомнив о своих детях и внуках, давно переехавших в Лхасу и не балующих своего немолодого родственника вниманием.

Маркус Агирре

Старик язвительно ответил на его приветствие, и Маркус с трудом сдержался, чтобы не показать ему язык, хотя скривился и пробормотал что-то на испанском, касаясь ворчливых стариков. А потом, когда все эти глупые формальности закончились, и все друг другу представились, Маркус посмотрел на женщину. И слегка встрепенулся, когда услышал причины ее слез. Почему-то стало как-то не по себе, и

он невольно снова вспомнил о том, что отец не подходил к телефону. Четвертый раз звонить ему не было смысла, и молодой человек только печально вздохнул, думая, что делать дальше. Он не умел утешать, да и никогда не стал бы этого делать. Он даже не утешал свою тетку, когда ей нужна была помощь.

Но ведь что-то он мог сделать? Можно, конечно, забрать у Джуна список покупок и пойти на рынок, оставив его одного здесь. А можно попробовать найти слова утешения. Ну или просто какие-то слова.

Вот только они не лезли в его голову, и не было ничего на языке. Он покопался в рюкзаке и достал пачку бумажных платочков и протянул их женщине, заметив, что ее платок, который был в руках, стал уже мокрым от слез.

Джун Мотидзуки

Маркус явно не испытал восторга, услышав комментарии старика Жонга, но, к счастью, ограничился бормотанием на испанском, не став лишним раз провоцировать хозяина дома, который, похоже, даже немного разочаровался таким развитием событий. Хотя, очень быстро старик снова перевел свое внимание на с благодарностью принявшую бумажные платочки женщину и скептически покачал головой.

- Ну вот сколько можно плакать? Твоими слезами можно целый колодец наполнить. Что стоите, как два столба? - старик так неожиданно переключился на них с Маркусом, что Джун даже не сразу отреагировал на адресованные им слова. - Садитесь и сделайте уже что-нибудь полезное. Или я зря вас пустил?

Джун очень плохо представлял, чем именно они могут помочь несчастной женщине, но послушно присел за небольшой столик, взглядом предлагая Маркусу последовать своему примеру. Он вообще предпочитал ни в чем не спорить с хозяином, понимая всю бесполезность этого дела, поэтому, дождавшись пока Гао Дандан немного успокоится, попытался вовлечь ее в разговор.

- Я очень извиняюсь, если мы навязываемся, - он автоматически начал говорить сразу и за себя, и за родственника Яреци, - но, может, мы можем вам чем-то помочь? Я... - он ненадолго замялся, - достаточно близок с миром духов...

Джун пока плохо представлял, какую пользу могли принести его способности, но они хотя бы больше соответствовали ситуации, чем то же умение Маркуса превращаться в гиену. Оставалось выслушать женщину, если та решит с ними поговорить и постараться что-нибудь придумать, чтобы не разочаровывать старика Жонга.

Маркус Агирре

Маркус следом за Джуном сел за низкий столик и посмотрел на женщину. Он тоже не особо представлял, чем они могут помочь этой женщине, но он всё-таки протянул пачку салфеток ей, и она с благодарностью их взяла и положила рядом с собой. Старик попросил их сделать что-то полезное, и у Джуна сразу появилась мысль связаться с миром духов. Он слегка встрепенулся и посмотрел сначала на него, а потом на женщину. Слышать её судорожные всхлипы было невыносимо, и он легко

поднялся на ноги и, похозяйничав на кухне, протянул ей стакан воды. Потом опустил обратно.

- Расскажите, что произошло, - доверительным тоном сказал он, подумав, что если это не сработает и его выгонят, то он ничего не потеряет. По крайней мере, он выполнил то, что его просили - сделал что-то полезное. А всё остальное не имеет значения. В этом случае он заберёт у Джуна деньги и покупки и пойдёт на рынок. Что-то ему не особо хочется быть свидетелем чего-то мистического...

К его удивлению, старик Жонг что-то проворчал, а женщина стала говорить, прерывая свой рассказ всхлипами.

- Мой Ханг, - всхлипнула она, спрятав лицо в ладони, а потом немного успокоилась, - он всегда был независимым...

- Он был избалованным, -фыркнул старик.

- После нашего с Тином развода Ханг перестал учиться, вел разгульный образ жизни. Он хотел лучшей и беззаботной жизни. Ему не хотелось заниматься тяжелой работой. Несколько лет назад мы с ним поссорились, и он ушёл из дома...

- Ты его выгнала, - поправил старик.

- Мы долго с ним не общались, он мне не звонил. Он стал музыкантом, - на её печальном лице промелькнула улыбка. Промелькнула - и растворилась в слезах и печали. - А вчера я узнала, что он попал под машину... Мой Ханг... зачем ты это сделал?

Голос женщины, тихий и слегка подрагивающий, сорвался на отчаянный крик, и она снова зарыдала. Маркус глубоко вздохнул и неосознанно примерил эту историю на себя. Представив, что было бы с отцом, если бы не помощь кондитера, когда Маркус остался на улице без средств к существованию и погиб, он вздрогнул и мотнул головой. Хотелось ещё раз ему позвонить, но тот мог быть просто на переговорах и забыть выключить мобильник. Вот только Рикардо Агирре никогда ничего не забывает.

Пока он думал, женщина выпила воду и посмотрела на Джуна. Кажется, до неё только сейчас дошёл смысл сказанного.

- Вы общаетесь с духами? Вы... можете связаться с ним? Как он? Ему там хорошо? - В глазах женщины появились какие-то нотки чего-то странного, и Маркус вздрогнул от этого взгляда. Стало как-то не по себе. Во взгляде было безумие, которое возможно только у человека, потерявшего своего ребёнка и не верящего в это...

Джун Мотидзуки

Джун был немного удивлен, когда женщина так легко решилась все им рассказать, но, видимо, им посчастливилось напороться на эмоциональную особу с достаточно мягким сердцем, чего нечасто можно было увидеть среди деревенских жителей, привыкших к суровой жизни на высокогорье. Хотя близость Линь Ян Шо и

постоянные контакты с его обитателями тоже делали свое дело, выделяя эту конкретную деревеньку из десятка ей подобных и давая ее жителям такие возможности, о которых другие тибетцы могли даже и не мечтать.

- Не все так просто, - понимая, что ему будет не отбиться от полетевших в его сторону вопросов, Джун даже немного пожалел, что так легко признался в наличии у себя способностей к общению с духами. - Возможно, я смогу его увидеть, но вот поговорить... Это мне пока не по силам.

Как бы быстро не прогрессировал Джун в качестве шамана, он прекрасно понимал ограниченность своих возможностей, да и снова рисковать потерять ориентацию в реальном мире он бы не стал без крайней необходимости, поскольку за последнее время в его жизни появилось еще больше важных вещей, ради которых стоило сохранять осторожность.

- Мне было бы достаточно узнать о нем хоть что-то. - Голос женщины зазвучал глухо, что резануло по уху даже сильнее, чем предыдущие резкие звуки. - Я не видела его несколько лет. А сообщение о его смерти мне прислала его жена. Я даже не знала, что он женат...

- Хорошо... - По обращенному на него взгляду старика Джун понял, что отступать уже некуда. Правда, он не был уверен, что его помощь не сделает женщине еще больнее, но и не попробовать как-то облегчить ее страдания, сообщив приятные вести, не мог в силу природной отзывчивости. - Я попробую увидеть его дух. Как давно он умер?

Собственно, если вести до несчастной матери шли очень долго, то результативность его попытки встретиться с ее сыном могла свестись к нулю, поэтому для начала следовало уточнить основные моменты. Ответ "полторы недели назад" его устроил, но в голову пришла еще одна мысль, воплощение в жизнь которой, вполне могло облегчить его задачу, что он тут же и озвучил.

- У вас осталась какая-нибудь его вещь?

Конечно, Джун мог довольствоваться и присутствием самой Гао Дандан, но ее страдания могли отвлекать от работы, так что он предпочел бы уединиться с какой-нибудь небольшой вещицей, чтобы ничто не мешало ему легко и быстро войти в транс.

Маркус Агирре

Дальнейшие развития событий его не особо волновали, и он стал просто сидеть и наблюдать. В какой-то момент ему захотелось просто уйти, чтобы не быть лишним, но было все-таки интересно, что это такое и как это происходит. Джун полностью завладел вниманием женщины, и Маркус забрал у нее стакан, чтобы снова наполнить его водой. При этом он ловил на себе недовольный и пытливый взгляд старика Жонга. Но тот ничего не говорил, и Маркус ничего не отвечал. Он просто молча вернулся на свой место рядом с Джуном и положил руки на колени.

- Да, у меня есть... - Женщина посмотрела на молодых людей, а потом встала и

вышла из дома.

Маркус глубоко вздохнул и вытащил из кармана джинсов телефон. Пропущенных звонков не было, и никаких сообщений не приходило. Он написал сообщение и отправил отцу. Потом прикрыл глаза. Интересно, сколько лет могло быть ее сыну. Наверное, лет двадцать. Или двадцать пять. Женщина вернулась к риму и положила перед Джуном перочинный нож.

- Этот нож Тин подарил ему в день тринадцатилетия. А через полтора года мы развелись.

Значит, подумалось Маркусу, этому молодому человеку было около тридцати лет. Хотя Маркус никогда не был не только знатоком людей, но и любителей их, о мире он знал очень мало, и откинул это странное занятие, сколько лет было этому человеку, когда он умер. Если ему и было кого жаль, то это его мать.

Он хотел все-таки попросить у Джуна список покупок и деньги, чтобы не сидеть здесь, но его язык сказал фразу, не мало удивившую его самого:

- Чем-тебе надо помочь? Ты говори, я попробую что-то сделать.

Наверное, действительно этот монастырь творит чудеса...

Джун Мотидзуки

Как Джун и надеялся, выгнав сына, Гао Дандан не стала избавляться от всех его вещей, сохранив самое важное и навевающее воспоминания о том времени, когда все члены семьи еще жили вместе. И сейчас, эта присущая людям сентиментальность должна была сильно помочь в его работе, если, конечно, так можно было назвать то, что он планировал в ближайшее время сделать.

Старый перочинный нож Джун принял с благодарностью, какое-то время подержав его в руках и попытавшись настроиться на энергию человека, который им некогда владел. И уже очень скоро ему это удалось, поскольку его накрыло волной чужого безумного страха, какой, наверное, бывает в тот миг, когда человек понимает, что его жизнь может через несколько секунд оборваться...

Рассказывать о своем открытии Джун не стал, предполагая бурную реакцию женщины. Возможно, она надеялась, что сын так ничего и не понял и ушел из жизни легко, поэтому он постарался, чтобы выражение его лица, немного изменившееся, как он чувствовал, из-за столкновения с чужим страхом, вернулось в свое обычное состояние, и попросил у старика Жонга расположиться в бывшей дядиной комнате.

Разрешение Джун получил без промедления и столь же быстро им воспользовался, покинув кухню и перейдя в небольшую комнатку. Старик так больше и не пускал других жильцов, испытывая к, как он сам выражался, бестолковому японцу, какую-то странную привязанность. Но поскольку сюда он пришел с конкретной целью, Джун не стал забивать себе голову взаимоотношениями дяди и хозяина дома, а уселся на пол, переложил нож в левую руку, а правой вытащил из кармана штанов четки, с которыми практически не расставался с момента их покупки. Черные бусины быстро заскользили между пальцами, и уже очень скоро молодой шаман оказался посреди

пустынного темного мира, где впереди маячила только незнакомая мужская фигура.

Постепенно тень, некогда бывшая человеком, приблизилась, и Джун смог как следует ее рассмотреть. Перед ним был мужчина лет тридцати, прилично одетый и ухоженный, что говорило о нормальном уровне достатка и вполне благополучной жизни. Но больше всего молодого человека привлек его взгляд, словно просящий о помощи, хотя Джун сомневался, что тот был адресован именно ему. А потом губы мужчины шевельнулись, но сколько бы он не силился, так и не смог понять, что тот хотел передать, хотя, наверное, именно в этих словах и крылось самое важное, так и не сказанное при жизни Гао Ханга, в которой тот наделал немало ошибок, исправить которые, увы, уже не мог...

Маркус Агирре

Джун на предложение Маркуса ничего не ответил и, спросив разрешение у старика, ушёл, оставив Маркуса в компании очень пожилого мужчины и женщины возраста его отца. Женщина, чьего имени он не запомнил, хотела было пойти за Джуном, но её остановил старик, и она осталась. Она смотрела на Маркуса, и молодой человек вздрогнул и опустил голову. Стал рассматривать свои руки и думать, что бы случилось с отцом, если бы Маркус плохо кончил. Хотя сейчас ему предстояла поездка в Африку, куда-то в Замбию, в какой-то национальный парк, чтобы поближе познакомиться с гиенами. Эта поездка полна опасностей, и она может плохо кончиться. Что отец будет делать, если ему сообщат о смерти единственного сына? Он пытался представить, но понимал, что боялся даже думать том, что старик останется совсем один. Сейчас, когда ниточка, связывающая их как отца и сына, стала толще и прочнее, было тяжело представить что-то подобное. Сейчас он понял, что отец ему очень дорог, что сильно любит отца и даже скучает по нему. И переживает за его здоровье.

Поэтому сейчас, пока было относительно спокойно и тихо, Маркус думал о своем отце и не хотел нарушать тишину. Со стороны женщины раздавались какие-то всхлипы, которые стали тише и реже, а пачка платочков заметно уменьшилась. Зато на столе появились скомканные платочки. Маркус вздохнул.

Джун Мотидзуки

Из транса Джун вышел достаточно быстро, а вот подняться и вернуться на кухню, смог не сразу, поскольку снова и снова прокручивал в голове увиденную недавно картину. Он не был уверен, что сможет чем-то обнадежить женщину, поскольку получил не так уж и много информации, но и засиживаться в бывшей дядиной комнате не имело особого смысла. Больше он ничего узнать не мог, да и где-то на кухне страдал в сомнительной компании Маркус, чье желание оказать помощь Джун оставил без внимания, поскольку сразу переключился на нож, о чем сейчас даже немного жалел. Все-таки все положительные душевные порывы стоило подкреплять, а не уничтожать их на корню, тем самым, мешая им появиться в будущем.

Посидев так еще минут пять, Джун вернулся и молча занял свое место, собираясь с мыслями. Но долго молчать ему не дали, поскольку выражение лица женщины было красноречивее любых слов, и мучить ее ожиданием казалось Джуну совершенно негуманным.

- Я... - молодой шаман старался быть осторожнее в своих выражениях, - видел вашего сына. Он хорошо выглядел. Думаю, там, где он жил последние годы, у него все складывалось благополучно. А еще... - Джун ненадолго замялся, не зная стоит ли это говорить, но, в конце концов, решившись, добавил, - он хотел попросить прощение.

На самом деле он понятия не имел, что именно хотел сказать Хонг, но и такая версия вполне имела право на существование, поэтому его слова нельзя было назвать полнейшей ложью. А, учитывая человеческую способность, все перекладывать на себя, Гао Дандан вполне могла посчитать подобное проявлением сыновней любви и знаком того, что тот не держит на нее зла.

- Детям свойственно любить своих родителей, даже если те допускали ошибки. - Джун бросил взгляд на Маркуса, ожидая его поддержки. Ведь кому как ни ему было знать о детско-родительских проблемах, которые в немалой степени сделали его именно таким, каким он сейчас был.

Маркус Агирре

Через какое-то время вышел Джун, и звук его шагов заставил Маркуса поднять голову и посмотреть на него. Тот выглядел вроде нормально, чуть хуже, чем несколько минут назад, но заметно лучше, чем тогда, когда нашёл его в охотничьем домике в горах. Хотя тогда он не спал и не ел, а сейчас он отсутствовал несколько минут, а перед этим ел и спал. Значит, можно за него не волноваться.

Ещё несколько лет назад, сталкиваясь с чем-то подобным, Маркус бы посчитал такие события чем-то неправильным, каким-то разводом. Потому что нет мира душ, он вообще никогда не верил ни в Бога, ни в Церковь, у него жизнь имела только материальные ценности. И, разумеется, если бы ему сказали, что можно превращаться в животное, то он бы посмеялся и попросил это продемонстрировать. Но теперь он сам превращается в животное, знаком с людьми, которые одним прикосновением могут вылечить или которые проникают в мозг, копаются там, высасывают душу, словно дементоры. И мир дуов тоже есть, и вот Джун с ними общается.

Когда Джун рассказал про душу погибшего, Маркус невольно вздрогнул, что не скрылось от пытливого взгляда старика Жонга, который снова что-то проворчал и удалился в комнату, откуда вернулся через пару минут с бутылкой какой-то настойки. Маркус услужливо достал четыре стакана, потом вспомнил глупейшую традицию ставить ещё дин стакан, наливать туда водку, класть кусок чёрного хлеба на него, и достал пятый стакан. Женщина, увидев его, снова расплакалась, и молодой человек пожал плечами и вернулся на место.

- Ханг... - прошептала женщина. - Я тебя очень люблю, и ты меня тоже прости, я... - Она снова всхлипнула. - Как мне жить теперь без тебя? - Женщина посмотрела на молодых людей. - Он... мучился перед смертью?

Маркус не знал, что ответить. Вообще, по логике надо ответить, что "нет, не мучился, даже не заметил, что произошло", но решил промолчать, давая это право

Джуну. Сейчас от самого Маркуса было пользы не так много, и он не хотел ничего говорить. Но задуматься над словами Джуну стоило. А ещё он понял, что и родители любят своих детей, даже если те тоже ведут себя плохо. Поэтому пока он только сидел и молчал, не зная, что говорить.

Джун Мотидзуки

Несмотря на то, что его слова, похоже, как раз и относились к числу тех, что женщина хотела бы услышать, сам Джун чувствовал себя немного неудобно. Он не привык обманывать, даже в благих целях, а в его рассказе, как ни крути, самое основное являлось выдумкой. Ну или предположением выданным за правду, как он сам его называл, пытаясь успокоить угрызения совести.

Пока он пытался примириться сам с собой, хозяин дома по старой привычке принес бутылку из своих запасов, а Маркус полез за стаканами, немного удивив его и остальных присутствующих лишней емкостью для алкоголя. Но, видимо, таким образом он пытался реконструировать какой-то ритуал поминовения покойного, которые заметно отличались в разных странах, поэтому Джун никак не стал комментировать его действия.

- Не думаю, что стоит пытаться больше узнать о его смерти. - Молодой шаман не горел желанием рассказывать о последних эмоциях Гао Ханга, которые ему удалось считать благодаря перочинному ножу. - Попробуйте больше узнать о его жизни. Например, напишите его жене. Раз она решила сообщать вам о смерти сына, то, наверное, не держит на вас зла. И возможно именно сейчас ей нужна ваша помощь и поддержка.

Джун вернул женщине нож, понимая, что на сегодня для него достаточно шаманских практик и перевел взгляд на старика Жонга, который молча разливал настойку по стаканам. Он надеялся, что Гао Дандан сделает правильный выбор и найдет то, ради чего ей самой захочется жить. Для его бабушки, после смерти деда, смыслом жизни стала ее большая семья, а раз у соседки старика, как он понял, не осталось близких, стоило попробовать создать для нее эту семью через людей, о которых женщина могла бы заботиться и с которыми могла разделить свое горе.

Маркус Агирре

Про эту глупую традицию поминовения покойного, кажется, никто не знал, да это и не удивительно. Об этом знали только с России, да и некоторых странах Европы. Типа Украины. Маркус сначала хотел объяснить, но потом подумал, что сейчас не стоит этими традициями и обычаями забивать чужие головы. Никто не хотел ничего нового узнать, да Маркус и не настаивал. Старик Жонг не хотел наливать настойку в лишний стакан, и Маркус пожал плечами.

- Я надеюсь, что он был счастлив, - женщина задумчиво покрутила в руке стакан. - Мы часто совершаем ошибки, не обращая внимания на чувства и эмоции наших детей. Я была упрямой, не хотела принимать его сторону. Он был гордым и не хотел признавать свою неправоту в спорах. Я бы хотела многое отдать, чтобы попросить у моего Ханга прощения. Я...

Голос женщины сорвался, и она снова всхлипнула. Старик что-то пробурчал про

эмоциональность женщин и про бестолковость мальчишек, и Маркус ощутил вдруг какое-то странное щемящее чувство в груди. Стало почему-то страшно, и по спине прошел неприятный холодок. Он сглотнул и взял стакан в руку. Быстро выпил настойку и увидел, что рука сильно тряслась. Он мотнул головой и достал телефон. Никаких признаков того, что кто-то пытался ему позвонить.

Снова набрав номер отца, он услышал сообщение, что телефон выключен. Сглотнув, он вздрогнул и посмотрел на Джуна. А потом встал и поклонился старику и женщине.

- Думаю, - его голос слегка дрожал, - ваш сын будет счастлив, если вам будет хорошо. Я соболезную вашей утрате. Но сейчас простите, нам надо идти. Прощайте... - произнес он. - Я подожду тебя на улице.

И он очень быстро вышел из дома. И подошел к колодцу и сел на скамейку около него. Стал крутить телефон в руке и думать, не все ли еще потеряно в налаживании отношения со стариком. Он ведь так и не попросил у него прощения. Поддавшись какому-то странному порыву, он написал отцу сообщение "я люблю тебя, папа"...

Джун Мотидзуки

Как показалось Джуну, женщине все-таки стало немного легче, пусть его слова не могли вернуть ей сына или исправить уже сделанные ошибки. Да и старик Жонг бросал в их с Марксом сторону взгляды, в которых, при большом желании можно было рассмотреть одобрение, а значит, свою основную задачу они выполнили и вполне могли заняться чем-то другим - например, вспомнить, зачем они вообще пришли в деревню.

Маркус решил покинуть дом старика первым, предварительно попытавшись с кем-то связаться по телефону. И Джун был более чем уверен, что этот кто-то его отец, поскольку царящая в домике атмосфера располагала к решению детско-родительских проблем, которыми его сегодняшний напарник в деле закупок за свою недолгую жизнь "оброс" с головы до ног. Сам он, несмотря на непростой характер отца, подобных проблем никогда не имел, за что не переставал благодарить мать, умело справляющуюся с любыми непростыми моментами, касающимися ее семьи.

- Боюсь и мне придется вас оставить. - Джун выпил свою порцию настойки, зная, что старик обидится, если он не попробует "нектар" из его личных запасов, изобразил полнейший восторг от вкусовых качеств напитка и после этого посчитал возможным удалиться. Прощание с Гао Дандан немного затянулось, поскольку она решила как следует поблагодарить его за помощь, а вот хозяин дома отделался тем, что просто махнул рукой, показывая, что он может удалиться, что Джун и сделал, отправившись искать Маркуса.

Юношу он обнаружил на скамейке возле колодца и не нашел ничего лучше, чем присесть рядом и положить руку ему на плечо.

- Не раскисай. - Даже если отец не отвечает, это ни о чем не говорит. Как ты мог сегодня убедиться, родители любят своих детей, даже если во многом с ними не согласны. Все будет хорошо.

Сам он мог убедиться в правоте своих слов и на недавнем примере отца и брата, когда Сэтоши начал бунтовать и, в результате отправился жить в Токио. Ну а в итоге, все со всеми примирились, пусть это и далось заинтересованным лицам очень и очень нелегко.

Маркус Агирре

Когда Джун присел рядом, да еще и положил руку на его плечо, Маркус сильно вздрогнул и протер лицо руками. Потом выпрямился и потянулся. Посмотрел на своего знакомого и встал с лавочки. Говорить ничего не хотелось, и он направился в сторону рынка, чтобы начать уже совершать какие-то покупки, ради которых они сюда и пришли. Вообще, он не был обязан ходить вместе с Джуном и помогать ему, но это простое действие могло помочь просто отвлечься от неприятных мыслей, сжигающих сознание.

Но он успел сделать только два шага, как раздался телефонный звонок. Маркус сильно вздрогнул, увидев на дисплее имя звонившего, и в один момент в горле все пересохло. Судорожно нажал на зеленую кнопку.

- Ты чего звонишь? Столько пропущенных от тебя я за свою жизнь еще не слышал. Случилось что? - Сонным и недовольным голосом пробурчала трубка, и молодой человек почувствовал, как губы растягиваются в глупой и счастливой улыбке. - Еще и странного содержания сообщение отправил. У тебя там все хорошо? - Не унималась трубка.

- Я... хотел просто сказать, что люблю тебя. Береги себя, отец, - произнес Маркус слегка подрагивающим голосом.

- Хорошо. Если это все, то я пойду дальше спать. Если ты забыл, я сейчас нахожусь на другом конце света, и у меня там сейчас глубокая ночь.

- Зануда, - буркнул Маркус. - Береги себя.

- И я тоже люблю тебя, - снова буркнула трубка, и связь отключилась. Маркус выключил телефон и посмотрел на Джуна.

- Что там тебе надо купить?

Джун Мотидзуки

Засиживаться на лавочке Маркус не стал, явно не чувствуя готовности разговаривать на непростые темы. И Джун решил не настаивать, переключившись на решение бытовых вопросов, первым из которых являлось изучение выданного ему списка покупок. Но только не успел он вытащить список, как зазвонил телефон Маркуса, чье выражение лица изменилось в процессе разговора с подавленного, на вполне себе довольное жизнью. И оно даже лучше, чем услышанные слова, подтвердило наличие существенного прогресса в отношениях этого своеобразного, но, по сути своей, неплохого парня и его непростого родителя.

- Да там всего восемь пунктов, - Джун усмехнулся и, наконец, вытащил список, чтобы

показать его Маркусу. Комментировать произошедшее он не стал. Все это было личным делом его добровольного помощника, поэтому соваться с советами или ободрением больше, чем он уже это сделал, казалось ему чем-то некрасивым и неуместным. Тем более, впереди их ждала непростая задача понравиться продавцам, чтобы те не решили завысить цену, закупить все необходимое и дотащить его до монастыря, как и полагается его примерным обитателям.
